

В. А. КУТАЙСОВ

РАСКОПКИ КЕРКИНИТИДЫ В 1989 г.

Раскопки Евпаторийского городища в указанном году — как ни печально признать — опять носили охранный характер и были связаны с разрушением памятника. Так, при бурении в его северной части артезианской скважины, где затем был вырыт глубокий (до 2,5 м) котлован для установки в нем бетонной коробки, внутри него были полностью уничтожены культурные напластования и прекрасно сохранившиеся остатки сооружений древнего города. Местоположение же самого участка оказалось таковым, что удалось лишь незначительно расширить котлован в западном и южном направлениях (рис. 1). Раскоп, таким образом, приобрел форму слабо выраженной трапеции, площадью около 40 м² (рис. 2 — 3). Внутри него на всю глубину были разобраны древние отложения, общей мощностью до 3,6 м от современной поверхности до подстилающего их песка. Удалось проследить полную стратиграфию северной части античного памятника до уровня грунтовых вод и немного ниже их. Иначе говоря, мы получили реальную возможность сопоставить полученные здесь данные с наблюдениями, сделанными в предыдущие годы в других местах Керкинитиды, а следовательно, и проверить те схемы пространственного развития города, которые были построены ранее, внести в них необходимые коррективы. Если же к сказанному добавить, что эта часть городища после 1929 г. никогда более не изучалась, то, несмотря на очень скромные размеры раскрытой площади, станет вполне очевидной значимость новой информации для понимания общей градостроительной картины.

В культурных напластованиях — не считая современные наслоения — достаточно отчетливо выделяются два резко отличающихся друг от друга яруса — верхний скифский и нижний греческий. Каждый из них представлен двумя

строительными периодами — в полном соответствии со стратиграфической ситуацией, которая была выявлена в других районах Керкинитиды, но с той разницей, что здесь* абсолютно отсутствовали древнейшие постройки апойкии, относящиеся к VI—V вв. до н. э.

Приведем краткое описание всех строительных остатков в их исторической последовательности. Самые нижние из них, сразу оговоримся, раскрыты крайне фрагментарно. Причиной тому послужила хорошая сохранность жилого комплекса IV—II вв. до н. э., который был оставлен преимущественно в своем первоначальном виде. Лишь в пескольких местах ниже полов его помещений были прокопаны небольшие шурфы; восточная же часть раскопа полностью доведена до естественного песка. Именно здесь был открыт южный угол какой-то сырцовой постройки, углубленной в археологически стерильный песок. К сожалению, северный край этой полуземлянки полностью уничтожен злополучной скважиной (рис. 2 — 3), что лишает нас возможности судить о планировке всего сооружения в целом. Его южная стена на несколько сантиметров выступает за контур западной, образуя своего рода слабо выраженный пилон. Здесь удалось проследить девять рядов сырцовых кладки, выложенной из кирпичей, размерами 0,25 — 0,27 × 0,35 м, толщиной 0,08 м (в том числе пять залегают ниже уровня грунтовых вод). Пространство внутри постройки и над ее остатками было заполнено желтым суглинком с прослойками песка — вероятно, их собственным развалом. Из него происходит небольшое количество мелких обломков амфор, — в основном, первой половины IV в. до н. э. (хиосских, гераклеиских и фассосских). Все сказанное неизбежно приводит к мысли о прекращении существования полузем-

ляшки не позднее третьей четверти IV в. до н. э.

Западной полуземлянки в очень небольших шурфах раскрыты три бутовые кладки и плитовая вымостка. О первых из них (№№ 7 — 9) можно сказать лишь, что все эти стены принадлежат одному строительному горизонту, а быть может и одной постройке (рис. 2). Подошва их всех покоится на тонком слое суглинка, залегающем поверх чистого песка. Стены 7 и 9 параллельны, № 8 пересекалась с ними, но не под прямым углом. Полы связанных с упомянутыми кладками помещений — глинобитные; перекрывались они тонкими прослойками утоптанной золы. В культурных отложениях под дневной поверхностью возле рассматриваемых стен обнаружены две ножки гераклейских амфор раннего типа, венчик фасосской амфоры пифоидного типа, обломок края аттического килика первой четверти IV в. до н. э. Следовательно, все ранние наземные строения относятся ко времени не ранее начала упомянутого столетия.

Выровненная поверхность развалов сырцовых стен №№ 7 — 9 послужила строительной площадкой для возведения одного из городских домов. От него, к сожалению, открыт лишь северо-восточный край двух помещений. Особой монументальностью отличаются капитальные кладки этого здания. Стена 4 сохранилась целиком и позволяет на ее примере с исчерпывающей полнотой судить о строительной технике постройки (рис. 4). Высота стены — 1,14 — 1,16 м, ширина — 0,46 — 0,50 м; она возведена над песчаным заполнением траншеи, глубиной 0,38 м, шириной 0,96 м. Последняя была перекрыта плоскими и достаточно крупными плитами основания, поверх которых были установлены два ряда крупных рустованных блоков с пропилкой швов между ними: нижний высотой — 0,60 — 0,63 м, верхний — 0,52 — 0,53 м. Тычковые стороны двух из четырех раскрытых рустов верхнего ряда выступали с внутренней стороны стены. Строителям осталось лишь облицевать мелким бутом на глине оставшиеся два блока и камни нижнего ряда. Мелкий бут, следует отметить, был обмазан тонким слоем светлой глины и практически не просматривался. Абсолютно ровная поверхность описанной стены, как и мощные сырцовые развалы по ее сторонам, однозначно говорят о возвышении над каменным доколом сырцовой кладки; контуры отдельных сырцовых кирпичей местами проступают в почти полностью разложившихся сырцовых развалах. В аналогичной строительной технике была сложена, в основном, уничтоженная стена 5, о чем свидетельствуют отдельные рустованные блоки, вывернутые при рытье современного котлована. От кладки 6 осталось три хорошо отесанных блока ее основания с пропи-

кой швов. Они толщиной 0,28 м, шириной — 0,40 — 0,50 м.

Помещение II, занимающее один из углов данного комплекса, судя по его пропорциям, было близко в плане к квадрату. Его площадь (как и большинство аналогичных комнат, открытых ранее) могла равняться 23 — 25 м². В центре глинобитного пола располагался квадратный в плане очаг со стороной в 1,1 м, сложенный из отесанных плит известняка (рис. 3). В качестве его пода, как это характерно для всех отопительных приспособлений Керкинитиды, использован крупный фрагмент синопской керамиды. По всей видимости, с деятельностью очага связаны и наслоения утоптанной золы, время от времени образываемые тонким слоем глины. Для обозначения таких помещений в жилых домах Керкинитиды — по примеру Олинфа — нами был использован термин ойкос (1, с. 109).

Не менее интересным оказалось и второе, еще более фрагментарно раскрытое, помещение III. На его более позднем — верхнем — глинобитном полу у рустованной кладки стоял известняковый алтарь. Он представлял собой почти квадратную в сечении призму (31,2×30,5 см) со сложнопрофилированной базой и был установлен поверх усеченно-пирамидального основания (рис. 4 — 5). Тыльная, обращенная к стене комнаты сторона была гладко стесана. Венчавший жертвенник карниз не сохранился, а его верхняя часть раскололась надвое; один из ее кусков утерян еще в древности. Таким образом, этот предмет в современном состоянии имеет высоту 35,5 см. У восточной стены помещения на том же полу покоился подтесанный прямоугольный камень.

Не остается сомнений в том, что в описанном помещении находилось домашнее святилище. При выборе места для него принимался, несомненно, во внимание парадный орфостатный вид северного панциря стены 4 и, вероятно, угловое положение самой комнаты. Разумеется, возникает вполне закономерный вопрос о том, с каким культом был связан алтарь. К сожалению, именно на этот наиболее важный в данном случае вопрос мы лишены возможности дать ответ: его оставляет открытым отсутствие каких-либо культовых атрибутов — надписей на самом жертвеннике или богослужебных предметов, например, терракотовых статуэток или протом, посвящений на поднесенной божеству посуде и так далее. Естественно, исследовательские возможности могли бы несравненно возрасти, если бы помещение III было раскрыто целиком. Отметим, что это в Керкинитиде второе культовое помещение внутри жилища, выявленное за все годы раскопок этого памятника (2, с. 180). Причем, если в первом случае в нашем распоряжении оказался полный набор ритуальных атрибутов, то в по-

следнем открыт алтарь — само место священнодействия. Однако, повторяем, отсутствует образ самого божества или какое-либо условное его обозначение.

Прекрасное техническое состояние стен рассматриваемой постройки позволяет говорить об уникальной сохранности всего жилого комплекса, к сожалению, не полностью раскрытого. Остается только гадать о планировке дома в целом. По всей видимости, блокированные вместе помещения II—III располагались в северо-восточной части жилища, и сам дом распространялся в противоположном направлении. Но против такого предположения как будто свидетельствует тот факт, что кладка б выступает за контуры помещения II. Такое недоумение рассеивается, если признать, что уломанная стена ограничивает одну из поперечных городских улиц, примыкающую к оборонительной куртине. В этом случае ойкос, как и во многих других домах Керкинитиды, займет угол жилого комплекса.

В завершение описания дома, открытого в 1989 г., надо остановиться на хронологии этой постройки. В культурных наслоениях времени строительства дома и ниже их найден немногочисленный материал, представленный преимущественно обломками гераклейских и хисских амфор, которые указывают на IV в. до н. э., за исключением, быть может, последней четверти столетия — из-за полного отсутствия здесь херсонесского импорта. В отложениях же, перекрывавших остатки здания, в которых содержался значительный археологический материал, найдено большое количество фрагментов синопской и гераклейской кровельной черепицы. На четырех гераклейских калиптерах оттиснуто энглифическое клеймо с именем «KOLQ» — оно же присутствовало и на желобчатой черепице, найденной при раскопках 1952 г. (3, рис. 24, 3). Отсюда же происходит клеймо на ручке синопской амфоры VI хронологической группы — астинома Геронима, сына Посейдония и фабриканта Майдата, датированное II в. до н. э. (4, с. 149, № 15; 5, с. 133). Еще два херсонесских штампа — астинома Аполлонида, сына Аполлония и Гимна, сына Скифа — относятся к 215 — 200 гг. до н. э. (группа 3А) (6, с. 11, №№ 3, 10), как и родосское клеймо фабриканта Ксенотима вокруг цветка граната (7, с. 527).

Из позднейших находок (напластования над помещениями II—III) следует вспомнить, помимо фрагментов родосских амфор, обломки синопской тары с немного припухлым горлом и уплощенным венчиком, конической слегка крученой ножкой. Она стала поступать в Северо-Западный Крым еще со второй половины II в. до н. э. (1, с. 30, рис. 6, 3 — 12). Упомянем

также ножку косской амфоры того же времени (1, рис. 6, 18, 21).

В заполнении помещения III обнаружена херсонесская бронзовая монета второй четверти IV в. до н. э. (8, 1, 19). В связи с ней позволим себе небольшое отступление. В процессе многолетних раскопок Керкинитиды в сырцовых развалах греческого города, образовавшихся после середины II в. до н. э., было встречено большое количество ранних монет второй — третьей четверти IV в. до н. э. Это невольно наводит на мысль, что они могли присутствовать в самих сырцовых стенах, попав туда (вместе с песочно-глиняным строительным раствором) при их возведении. Найти иное объяснение такому факту пока трудно.

Несмотря на столь разновременный характер находок из отложений, перекрывающих эллинистический дом, нетрудно заметить, что позднейшие их образцы относятся ко второй половине — концу II в. до н. э.

С поверхности сырцового развала без какой-либо предварительной подготовки участка была вырыта в него на 1,1 м скифская землянка. К сожалению, она пришлась как раз на то место, где теперь вырыт котлован, в срезах которого она и зафиксирована. Ее заполнение состояло из темной золы с более светлыми прослойками золистого суглинка. Из него, вероятно, происходит синопское клеймо шестой группы II в. до н. э., астинома Гикесия, сына Этеоника и фабриканта Илемона (4, с. 149, № 21; 5, с. 133) и эпонимное родосское клеймо Агестрата 220 — 180 гг. до н. э. (7, с. 528).

Спустя какое-то, по всей видимости, непродолжительное время землянка была засыпана, и над ней сооружено наземное каменное строение, сохранившееся, к несчастью, настолько фрагментарно, что не позволяет сколько-нибудь серьезно судить о его планировке. Под полом этой постройки была настлана традиционная для крымских скифов сиренево-серая (золистая) подсыпка, защищавшая помещение от грызунов. Сnivelировано было также и пространство вокруг всей постройки. Скифское здание перекрывалось серым по цвету (золисто-глинистым) грунтом, содержащим самый разнообразный в хронологическом отношении материал. Он и отделяет античные напластования древнего города от современных.

Подведем краткий итог проведенным в 1989 г. охранным раскопкам. Прежде всего, в их процессе была полностью вскрыта вся толща культурных отложений северной, наименее изученной и, вместе с тем, наиболее пострадавшей от современной застройки территории городища. В свите древних напластований выделены

три строительных горизонта — в полном соответствии с той стратиграфической ситуацией, которая была выявлена ранее на остальных участках памятника. Это расположенный на окраине Керкинитиды и относительно небольшой раскоп, тем не менее, с одной стороны, подтверждает, а с другой — как и следовало ожидать — вносит некоторые коррективы в уже предложенную схему пространственного развития античной Керкинитиды (1, рис. 65).

Так, открытая землянка с сырцовыми стенами, несмотря на то, что она впущена в песок, принадлежит — в отличие от других аналогичных сооружений — не первоначальной апоики VI—V вв. до н. э., а относится ко времени не ранее рубежа V—IV вв. до н. э. Не позднее третьей четверти IV в. до н. э. она уже, вероятно, перестала функционировать. Но в таком случае трудно допустить расположение заглубленного в грунт строения в черте городских стен на участке с плотной квартально-блочной застройкой. Скорее всего, находилась эта землянка, как и синхронные ей каменные постройки, за пределами города. Иначе говоря, она и прочие наземные строения вместе взятые могли образовывать своего рода небольшой пригород, как, например, в Ольвии. Насколько далеко он простирался не известно, хотя — судя по топографической ситуации — пригород вряд ли был большим; скорее, он состоял из нескольких построек. Такое предположение неминуемо подводит нас к другому ответственному выводу: вся эта территория, как мы и ранее предполагали, с конца первой трети V и середины V—IV вв. до н. э. располагалась за городской чертой классического времени, то есть вне периметра крепостных стен, которые проходили несколько южнее участка 1989 г. Во всяком случае, на исследованном участке совсем не накапливались наслоения V в. до н. э.

Уточнения требует и определение направления восточной куртины оборонительной системы середины IV в. до н. э. Ранее нами была принята за ее реальные остатки рустованная кладка, случайно обнаруженная в 1984 г. в узкой траншее (1, рис. 3, VIII, с. 51), так как она по своей строительной технике и характеру обработки камней очень близко напоминает оборонительные стены IV в. до н. э., раскрытые в 1950 и 1980 гг. Однако, как стало ясно сейчас, она находится не только северней, но и несколько западней раскопа 1989 г. По своему расположению эта мощная кладка параллельна стене 5 и лежит в створе с западной, еще пока не открытой, стеной помещений II—III. Последние являлись, судя по всему, крайними строениями

не только того жилого комплекса, которому они принадлежат, но и всего городского квартала. Причем реконструируемая нами поперечная улица могла простираться не более чем на 7 — 8 м к востоку, как и на других участках городища. Промежуток же между домом и куртиной был, вероятно, целиком связан с функционированием оборонительных сооружений (рис. 6).

В 1929 г. Л. А. Моисеевым было установлено направление северной оборонительной линии, защищавшей город с напольной стороны. Совсем рядом с ней, должно быть, располагалась капитальная стена, открытая в траншее 1984 г. настолько близко, что нельзя до конца исключить ее фортификационное назначение. К сожалению, остается пока открытым вопрос о месте стыка северной и восточной куртин, прилегающих, вероятно, к угловой башне всего укрепления (рис. 6).

Разумеется, все наши рассуждения были бы не нужны, если бы мы имели возможность провести в полном объеме археологические раскопки всей северной части городища и таким образом обнажить сами архитектурные остатки. В действительности у нас такой реальной возможности нет и неизвестно, когда она практически представится. Поэтому мы и вынуждены — для получения целостного представления о памятнике — прибегать к логическим умозаключениям, всегда остающимся более или менее спорными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. К у т а й с о в В. А. Античный город Керкинитиды. VI—II вв. до н. э. — Киев: Наук. думка, 1990.
2. К у т а й с о в В. А. Эллинистический дом Керкинитиды // СА. — 1987. — № 3.
3. Н а л и в к и н а М. А. Раскопки в Енпатории (предварительные итоги) // КСИИМК. — Вып. 58.
4. Г р а к о в Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. — М., 1928.
5. Б р а ш и н с к и й И. Б. Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э. // Античный город. — М.: Изд-во АН СССР, 1963.
6. К а ц В. И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. — 1985. — №1.
7. G r a s e V. Timbres amphoriques trouvés a Delos. // Bulletin de correspondance hellénique. 1952. № 76.
8. А н о х и н В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в. н. э.). — Киев: Наук. думка, 1977.

I. Раскопки Керкинитиды в 1989 г.

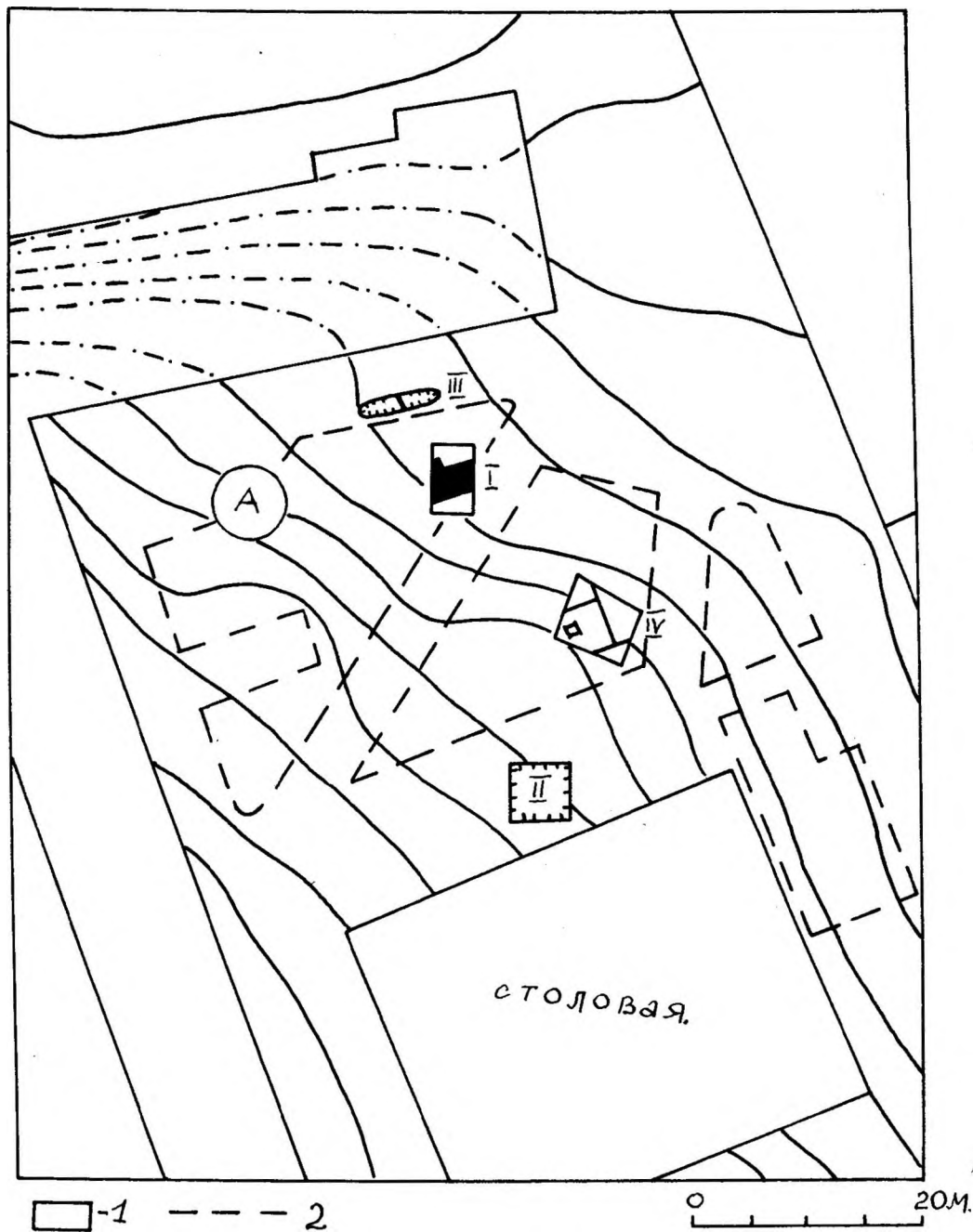

Рис.1. Ситуационный план современного состояния северной части Керкинитиды с обозначением участков раскопок. I - 1989 г.; II - 1984 г.

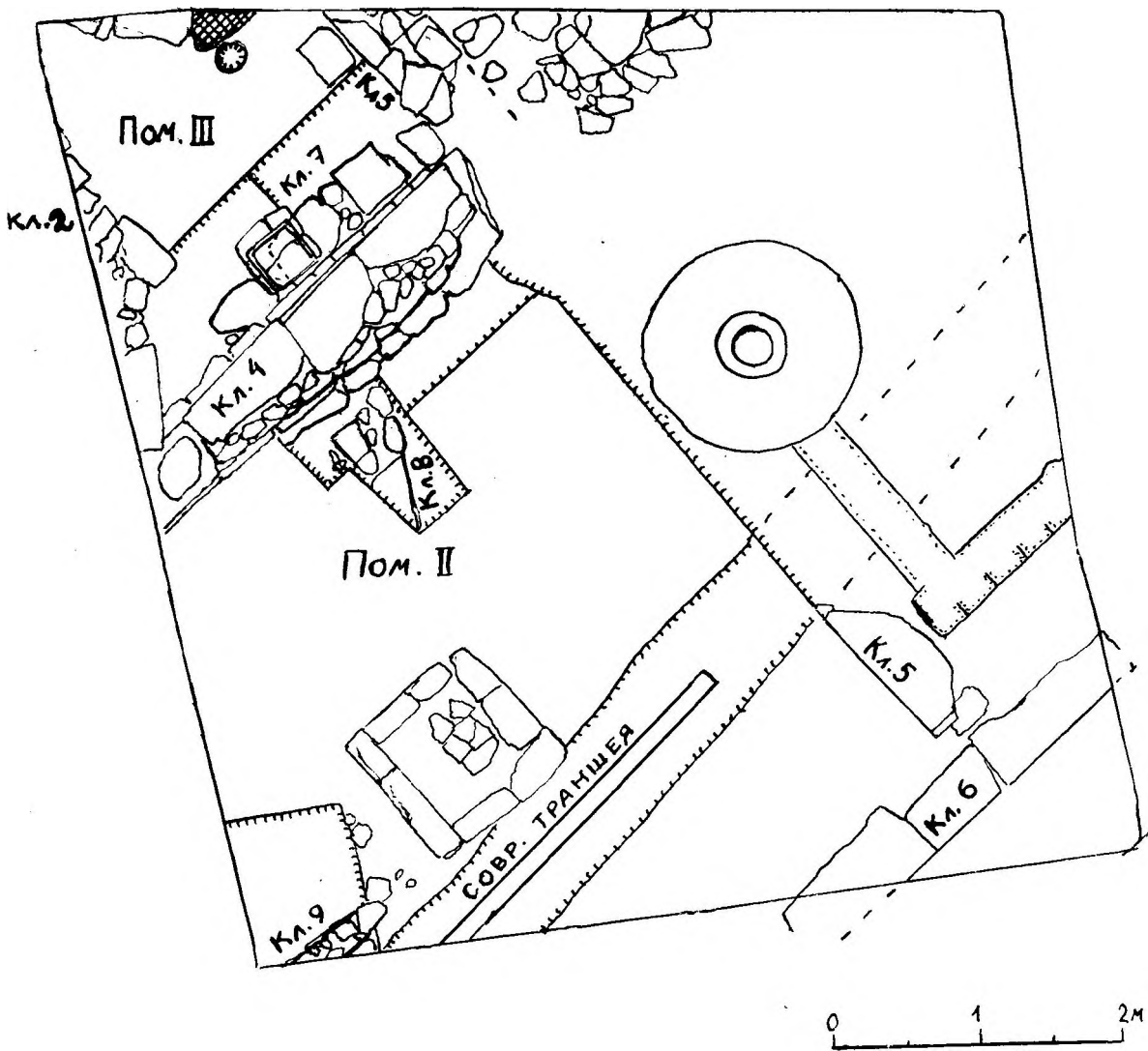

Рис. 2. Графический план участка раскопок 1989 г.

Рис. 3. Фотоплан участка раскопок 1989 г.

Рис. 4. Известняковый алтарь
у рустованной стены
5. Вид с севера.

Рис. 5. Известняковый алтарь.
Крупный план.